

Н. С. ГУМИЛЕВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

С. Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 декабря 2021 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу публицистических произведений русских эмигрантов о творчестве и трагической судьбе Н. С. Гумилева. Особое внимание уделяется размышлениям публицистов о взаимоотношениях поэта и власти в России, о влиянии Гумилева на творчество молодых поэтов русского зарубежья.*

Ключевые слова: *Н. С. Гумилев, первая волна российской эмиграции, публицистика.*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of Russian emigrants' journalistic works about N. S. Gumilev's work, tragic fate and creativity. Special attention is paid to the reflections of publicists on the relationship between the poet and the authorities in Russia, on the influence of Gumilev on the work of young poets from the Russian diaspora.*

Key words: *N. S. Gumilev, the first wave of Russian emigration, journalism.*

В юбилейную пору — 135-летие со дня рождения и 100-летие со дня смерти Н. С. Гумилева — обращение к публикациям эмигрантской прессы, посвященным его творческой судьбе, представляется чрезвычайно актуальным. Поэт, один из создателей литературной школы акмеизма, переводчик, литературный критик, путешественник, герой Первой мировой войны, Гумилев — одна из ярких и загадочных фигур Серебряного века. Арест в августе 1921 г. по подозрению в участии в антибольшевистском заговоре «Петроградской боевой организации Таганцева» и последовавший затем расстрел поэта сделали его имя запрещенным в Советской России на долгие шесть с половиной десятилетий. Поэтому изучением творчества Гумилева занималось русское зарубежье — уникальное сообщество без географических границ, стремящееся сохранить и развить богатое культурное наследие России.

В научной литературе эта тема пока не получила должного освещения. Существуют статья обзорного характера Е. Г. Домогацкой «Гумилев Н. С.», написанная для четвертого тома «Литературной энциклопедии русского зарубежья. 1918–1940» [1], выступление на вечере памяти поэта 20 апреля 2011 г. главного редактора «Нового журнала» М. Адамович «Николай Гумилев и Зарубежная Россия» [2], статья О. Верник о восприятии творчества Н. С. Гумилёва поэтом и литературоведом русского зарубежья Н. А. Оцупом [3], небольшой обзор публицистических выступлений эмигрантской прессы (1920–1940-х гг.) о Гумилеве автора данной статьи [4].

Имя и творчество Гумилева стали активно обсуждаться в прессе русского зарубежья сразу после смерти поэта. Эмигрантские периодические издания,

выходящие в различных центрах русского рассеяния, широко откликнулись на известие о расстреле поэта в 1921 г. Отметим, что в силу ожесточенной идеологической борьбы Гумилев рассматривался эмигрантами прежде всего как политический борец, политическая жертва большевистского режима. Показателен в этом отношении очерк А. Н. Толстого, опубликованный в газете «Последние новости» в октябре 1921 г.: «Я не знаю подробностей убийства, но, зная Гумилева, — знаю, что, стоя у стены, он не подарил палачам даже взгляда смятения и страха. Мечтатель, романтик, патриот, суровый учитель, поэт... Хмурая тень его, негодуя, отлетела от обезображенной, окровавленной, страстно любимой им Родины...» [5]. Публицист ежедневной газеты «Общее дело» В. И. Рындзюн, выступавший в печати под псевдонимом А. Ветлугин, в статье «Две смерти» отмечал, что поэт «пал жертвой очередного безумия <...>. Гумилев — жертва политики — останется символом величайшего недоразумения» [6].

Видный деятель эмиграции П. Б. Струве, откликнувшись на смерть Гумилева на страницах журнала «Русская мысль», также видел в насильственной смерти поэта прежде всего политическую составляющую. Публицист был убежден, что Гумилев «с душою воина <...> соединял крепкие политические убеждения и пламенную любовь к родине-матери» [7, 91]. По мнению Струве, «его трагическая гибель, в одном смысле случайная, как все, что происходит в бессмысленном мире низости и глупости, в другом смысле роковая, неотменимой кровавой связью соединит для истории литературы с его поэтической деятельностью — память о самых ужасных днях падения и мук России» [7, 91].

Политическая линия звучала и в более поздних публикациях П. Б. Струве о Гумилеве. В статье, по-

священной пятилетию со дня смерти поэта, публицист рассматривал поэта как «активного борца против большевизма и коммунизма» [8]. Автор статьи подчеркивал, что Гумилёв дорог эмиграции «и как крупное поэтическое дарование и как человек, который в эпоху, когда столько людей погнулось и согнулось, выпрямился во весь рост и бросил вызов торжествовавшему хамскому злу» [8].

Принципиально иной взгляд на Гумилева предложил С. В. Познер в самом раннем отклике эмиграции на смерть поэта, считая, что «политика и он, поэт Гумилёв, — две полярности» [9]. По мнению публициста, поэт «жил грезами за пределами окружающей современности и удивился бы, если бы его позвали на борьбу с нею» [9]. Известие о гибели Гумилева напомнило Познеру, как и многим эмигрантам, о смерти А. Блока 7 августа 1921 г. Познер пророчески замечает: «Их не забудут и смерти их не простят большевикам» [9].

В понимании трагедии Гумилева близок позиции Познера литературный критик Ю. А. Никольский, который опубликовал в «Общем деле» статью «Поэт-рыцарь». По мнению публициста, «Гумилев — чистая красота» [10], чуждая миру идей; большевизм губителен для красоты и доказал это, умертвив Блока, а затем Гумилева. Никольский рассматривает насильственную смерть лидера акмеистов как одно из самых страшных злодеяний новой власти на родине: «Если бы большевики сделали только это дело — умертвили Блока и Гумилёва, то и тогда примирения с ними, убийцами лучшего, что дала Россия за последние годы, — не может быть» [10].

Мысль об аполитичности Гумилева развивалась и в публикации А. В. Амфитеатрова в гельсингфорской газете «Новая русская жизнь». В цикле «Горестные заметы» публицист отмечал, что в литературных кругах России: «не было <...> писателя, более далекого от политики, чем этот цельный и самый выразительный жрец “искусства для искусства”» [11]. Амфитеатров уверен, что «Гумилев принадлежали к типу благородных, аристократических поэтов, неохотно спускавшихся с неба на землю, упорно стоявших за свою привилегию говорить глаголом богов» [11].

Представляется значимым посвященный смерти поэта очерк А. И. Куприна «Крылатая душа» в газете «Общее дело», выходящей в Париже. Отмечая у Гумилева «любовь к родине, сознание живого долга перед ней и чувства личной чести» [12], он тем не менее считал, что поэт «никогда, ни в каком заговоре он участвовать не мог. Заговор — это стая» [12]. Для Куприна отклик на смерть Гумилева — это еще одна возможность продемонстрировать неприятие большевизма на родине, показать антигуманную сущность нового строя.

Откликаясь на смерть Гумилева, Куприн продолжает принципиальный для русской публицистики разговор на тему взаимоотношений поэта и власти:

«Как мог Гумилев — один из самых независимых, изящных, вольных и гордых людей, каких только приходилось встречать и можно вообразить, — как мог он выносить всю нищенскую тоску, арестантскую уозость, подлейшую, унижительную зависимость днем и ночью от любого вздорного случая и любого упившегося властью скота? Что перетерпела его крылатая душа в эти черные дни, обратившие великую страну в сплошной вонючий застенок?» [12].

Куприн сумел передать особенности поэзии Гумилева, который «писал стихи, насыщенные терпкой прелестью, обвеянные ароматами высоких гор, жарких пустынь, дальних морей и редкостных цветов, прекрасные, полнозвучные, упругие стихи, в которых краткая и емкая форма вмещает гораздо больше, чем сказано» [12]. Для автора Гумилев — «странствующий рыцарь, аристократический бродяга» [12], который «был влюблен во все эпохи, страны, профессии и положения, где человеческая душа расцветает в дерзкой героической красоте» [12].

«Крылатая душа» поэта прославляется Куприным не столько за романтическую любовь к героике путешествий («его радостью были далекие пути»), сколько за приверженность к свободе («жил он, как свободолюбивая, большая птица, не признающая стаи») и за «холодный, скептический и пронизательный ум» [12]. Куприн-публицист создал образ поэта-рыцаря, «одного из самых независимых, изящных, вольных и гордых людей» [12].

Критик В. Ф. Ходасевич категорически не соглашался с рассуждениями в прессе русского зарубежья о «рыцарстве» Гумилева. Утверждая, что «рыцари умирают в борьбе, в ярости боя» [13], он видел в смерти Гумилева «другой, совсем иного порядка трагизм» [13]. Ходасевич был уверен, что Гумилева убили «ради наслаждения убийством вообще, еще — ради удовольствия убить поэта, еще — “для остротки”, в порядке чистого террора» [13]. При этом критик поддерживает версию об аполитичности поэта: «Политическим борцом он не был. От этого его героизм и жертва, им принесенная, — не меньше, а больше» [13].

Еще один вариант объяснения причин гибели Гумилева от рук большевиков дал критик Ю. И. Айхенвальд, обозначив страшную «логику» произошедшего злодеяния. В «Литературных заметках» на страницах берлинской газеты «Руль» он приходит в выводу, что Гумилев в своей поэзии «не был политиком; но такова эта поэзия в своем духе и сущности, что она неизбежно обрекала его на гибель от руки тех, кому Россия ненавистна или безразлична... <...> В этой казни была своя естественная логика, в этой казни был, надо сказать, политический смысл» [14]. Айхенвальд убежден: «Жизнь и смерть Гумилева с творчеством Гумилева связаны. И хотя от реальной политики он был далек, но самая поэзия его — уже политика» [14].

В публицистике русского зарубежья со временем стали преобладать собственно литературные оценки творчества Гумилева. Заметно стремление критиков сравнить Н. Гумилева с А. Блоком. Творчество почти одновременно ушедших поэтов, во многом определявших культурный потенциал эпохи, находилось в центре внимания публикаций Ю. И. Айхенвальда, П. Б. Струве, Н. А. Цурикова, Э. Ф. Голлербаха, Н. А. Оцупа, К. В. Мочульского, Г. В. Иванова. По общему ощущению, с гибелью Блока и Гумилева закончился «петербургский период» русской литературы.

В. Ф. Ходасевич считал, что Блок и Гумилев не просто были «людьми разных поэтических поколений», т.к. один принадлежал к числу «чистейших символистов», а другой «воображал себя глубоким, последовательным врагом символизма» [13]. По его мнению, они исповедовали полярные взгляды на суть творчества: «Для Блока его поэзия была первейшим, реальным духовным подвигом, неотделимым от жизни. Для Гумилева она была формой литературной деятельности. Блок был поэтом всегда, в каждую минуту своей жизни. Гумилев — лишь тогда, когда он писал стихи» [13].

Хорошо знавший Гумилева по Цеху поэтов Г. В. Адамович, отмечая в «Последних новостях», что «имена Блока и Гумилева соединены смертью, почти одновременной» [15], признавался при этом: «Их литературное сопоставление сначала казалось искусственным. Но прошло двенадцать лет со дня гибели обоих поэтов, а по-прежнему их вспоминают вместе и одного с другим сравнивают...» [15]. Критик пришел к выводу, что «подобная параллель внутренне оправдана, иначе она не могла бы удержаться, особенно в представлении людей, которые ни Блока, ни Гумилева лично не знали, а судят о них лишь по книгам» [15].

Творчество Гумилева активно присутствовало в культурном контексте русского зарубежья. Г. В. Адамович отмечал в 1929 г., что «ранняя насильственная смерть дала толчок к расширению поэтической славы Гумилева. <...> Имя Гумилева стало славным. Стихи его читаются не одними литературными специалистами или поэтами: их читает “рядовой читатель” и приучается любить эти стихи — мужественные, умные, стройные, благородные, человеческие — в лучшем смысле слова» [16]. Откликаясь на сборники поэтов группы «Перекресток» и Союза молодых поэтов, вышедших в 1930 г., Адамович обращал внимание на «культ Гумилева» в творениях литературной молодежи. «Сейчас его влияние — самое благотворное, наиболее организующее» [17], — утверждал он. При этом он отмечал разницу в восприятии Гумилева представителями разных поколений эмиграции: «Образ его, теперь, созданный, — не совсем тот, который знали мы. Но, может быть, теперешние его ученики и правы, ценя в нем свойства, к которым мы остались равнодушны: мудрое и просветленное

мужество, — и уже не различая всего того, что нам это в Гумилеве застилало» [17].

Публицисты русского зарубежья справедливо отмечали, что особое значение творчество Гумилева имело для младшего поколения эмигрантов первой волны, которое вошло в историю как «незамеченное поколение». Творческое становление его представителей, вывезенных из России детьми, происходило на чужой культурной почве и имело определенную специфику. Эмигрантская молодежь стремилась через слово выразить мироощущение человека без родины, боль человека катастрофы. Г. В. Адамович, фиксируя «все растущее влияние Гумилева на современную поэзию» [18], особо подчеркивал: «В особенности — на поэтов юных, послереволюционных» [18]. По мнению критика, «Гумилев дает мужество, бодрость, твердость. Очевидно, этого и ищут сейчас молодые русские сознания» [18].

Молодые поэты под влиянием Гумилева определяли свой путь в литературе, формировали свое слово, оттачивали свой стиль. По общему признанию, наиболее явно влияние Гумилева сказалось на поэтическом творчестве Ю. К. Терапиано. Г. В. Адамович замечал: «У Терапиано есть гумилевская бодрость, мужественность, даже характерная гумилевская простота — не литературная, а внутренняя, умственно-душевная» [19].

Ю. К. Терапиано, откликаясь на выпущенные издательством «Петрополис» к 15-летию со дня смерти поэта книгу стихов «Чужое небо» и драматическую поэму «Гондла», отметил в альманахе «Круг»: «Гумилёв был искреннее, чем казался. Жизнь свою он ломал и умереть сумел — мужественно, спокойно, не для поэмы, а во имя принятого на себя внутреннего подвига» [20, 148]. Терапиано предпринимает плодотворную попытку проследить эволюцию личности и творчества поэта. Он показывает, как «молодой Гумилёв велел себе стать героем и совершать подвиги во внешнем мире» [20, 149], а затем в результате творческой деятельности пришел к «состоянию внутреннего перегорания, когда человек добровольно отказывается от всего внешнего, добровольно становится нищим духом» [20, 149]. Терапиано отмечает у поэта «как бы нарастающее <...> ощущение неразрушимой жизни души, ощущение как бы “четвертого измерения”» [20, 149]. Поздние стихи, по мнению критика «открывают нам нового Гумилёва, того, каким он становился накануне своей преждевременной смерти» [20, 149–150].

Обсуждение творчества Гумилева продолжилось в публицистике русского зарубежья последующих десятилетий. «Новый журнал», созданный в 1942 г. в Нью-Йорке, регулярно обращался к творчеству поэта. В 1944 г. в журнале были напечатаны 10 неизданных стихотворений Гумилева 1916–1917 гг. На страницах журнала периодически появлялись публикации о творчестве Гумилева — Г. П. Струве,

В. И. Лурье, Ю. П. Иваска, Б. А. Филиппова, В. П. Крейда. Были опубликованы воспоминания А. А. Гумилевой (жены Дмитрия Гумилева, старшего брата поэта) «Николай Степанович Гумилев» (№ 46, 1956), И. В. Одо-евцевой «На берегах Невы» (№ 68, 1962), С. К. Маковского «Николай Гумилев по личным воспоминаниям» (№ 77, 1964), Н. Н. Берберовой «О дне ареста Н. С. Гумилева» (№ 85, 1968), а также множество рецензий на издания Гумилева в русском зарубежье.

Следует особо отметить биографический очерк ученика Гумилева, его соратника по «Цеху поэтов» Н. А. Оцуца «Николай Степанович Гумилев» в литературном журнале «Опыты» (1953. № 1). В 1952 г. в издательстве имени Чехова (Нью-Йорк) вышла книга «Неизданный Гумилев» под редакцией Г. П. Струве. В зарубежной России было подготовлено и вышло в свет в 1962–1968 гг. под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова первое «Собрание сочинений» Н. Гумилева в 4-х томах. На родине творчество Гумилева стало доступно читателю лишь весной 1986 г.

Многочисленные публикации эмигрантской прессы убеждают, что для культурной жизни русского зарубежья имя и творчество Н. С. Гумилева имели особый смысл. Образ Гумилева, созданный в эмигрантской прессе первой волны, стал символом мужества, чести, верности долгу. Отклики на смерть поэта и годовщины его гибели, опубликованные в газетах и журналах русского зарубежья, способствовали новому восприятию творчества поэта. Русская эмиграция бережно хранила творческое наследие поэта, память о нем, ввела его имя в контекст мировой литературы и способствовала возвращению его творчества на родину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домогацкая Е. Г. Гумилев Н. С. / Е. Г. Домогацкая // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. — Т. 4: Всемирная литература и русское зарубежье. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. — С. 137–141.
2. Адамович М. Николай Гумилев и Зарубежная Россия. Выступление на вечере памяти Н. С. Гумилева 20 апреля 2011 года / М. Адамович // Интерпоэзия. — 2011. — № 1. — URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2011/1/nikolaj-gumilev-i-zarubezhnaya-rossiya.html> (дата обращения: 14.09.2021).
3. Верник О. «Пленительная это фигура... в бога-

той замечательными людьми русской поэзии» (Н. А. Оцуц о Н. С. Гумилёве) / О. Верник // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка: Філологічні науки. — Луганськ: ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2010. — № 11. — Ч. 1. — С. 209–220.

4. Гладышева С. Н. С. Гумилев в публицистике русского зарубежья (1920–1940-х гг.) / С. Н. Гладышева // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума (30 июня–2 июля 2021 г.) / отв. ред. А. А. Малышев. В 2 т. Т. 2. — СПб.: Медиапапир, 2021. — С. 14–15.

5. Толстой А. Николай Гумилев / А. Толстой // Последние новости. — 1921. — 25 окт.

6. Ветлугин А. Две смерти / А. Ветлугин // Общее дело. — 1921. — 8 сент.

7. Струве П. Блок — Гумилёв / П. Струве // Русская мысль. — 1921. — Кн. X–XII. — С. 88–91.

8. Струве П. Память о Н. С. Гумилеве. К пятилетию его смерти / П. Струве // Возрождение. — 1926. — 26 авг.

9. Познер С. Памяти Н. С. Гумилева / С. Познер // Последние новости. — 1921. — 9 сент.

10. Никольский Ю. Поэт-рыцарь / Ю. Никольский // Общее дело. — 1921. — 26 сент.

11. Амфитеатров А. Н. С. Гумилев / А. Амфитеатров // Новая русская жизнь. — 1921. — 13 сент.

12. Куприн А. Крылатая душа / А. Куприн // Общее дело. — 1921. — 10 окт.

13. Ходасевич В. О Блоке и Гумилева / В. Ходасевич // Дни. — 1926. — 1 авг.

14. Айхенвальд Ю. Литературные заметки / Ю. Айхенвальд // Руль. — 1926. — 11 авг.

15. Адамович Г. На разные темы: Соперники. — «Стихотворения в прозе» Тургенева. — О мировых тайнах и загадках. — «Профессор Бодлер» / Г. Адамович // Последние новости. — 1933. — 28 сент.

16. Адамович Г. Литературная неделя: Памяти Гумилева / Г. Адамович // Иллюстрированная Россия. — 1929. — № 34 (223). — С. 12.

17. Адамович Г. «Перекресток» II. Сборник стихов. Париж, 1930 г. — Сборник Союза молодых поэтов. IV. Париж 1930 / Г. Адамович // Последние новости. — 1931. — 2 апр.

18. Адамович Г. Литературная неделя: О Гумилеве // Иллюстрированная Россия. — 1931. — № 41 (334). — С. 16.

19. Адамович Г. Литературные беседы / Г. Адамович // Звено. — 1926. — 27 июня.

20. Терапиано Ю. О Гумилеве / Ю. Терапиано // Круг. — 1937. — № 2. — С. 146–150.

*Воронежский государственный университет
Гладышева С. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики и литературы
E-mail: svetglad@mail.ru*

*Voronezh State University
Gladyшева S. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Journalism and Literature Department
E-mail: svetglad@mail.ru*